

- ⁸³ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 106.
⁸⁴ Там же. С. 103; Бенская Э. Я. Средневеликорусский говор на территории Грозненской области // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып. 6. Грозный, 1954. С. 106.
⁸⁵ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 93—97; информаторы: Никитина Клавдия Ивановна. 1914 г. р., Денискин Иван Акимович. 1908 г. р. Ст. Червленная.
⁸⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 26, 49.
⁸⁷ Пятирублев В. Указ. раб. С. 166—168.
⁸⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л. 1963. С. 77.
⁸⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы... Весенние праздники... С. 286.

Calendar rituals of the Terek Cossaks

Calendar ceremonies of the winter-and-spring season which took place among the Terek Cossaks on the edge of XIX—XX are under the question. The article is based on the original field materials of the authors, gathered during their expeditions in 1970—1990s. The most attention is paid to the Christian festivity rituals, adopted and modified by the local tradition.

E. M. Belezkaja, N. N. Velikaja, V. B. Vinogradov

© 1996 г., ЭО, N 2

Б. В. Горбунов

ПАЛОЧНЫЕ БОИ

Из многообразия народной игровой культуры обычно выделяют традиционные воинские состязания¹. Можно определить их, на наш взгляд, как народные игры состязательного характера с явно выраженным военным сюжетом, в которых приобретаются специфические навыки и качества. Они составляют особый пласт народной культуры, отражающий важнейшую в человеческой истории сферу деятельности — военную. Такие игры — не изолированное явление, бытующее (или бытовавшее) только у отдельных народов; в той или иной мере они известны повсеместно и в каждом случае обладают этническим своеобразием. Последнее обусловлено как этническими особенностями в проявлении элементарных двигательных действий людей — способов ходьбы, бега, прыжков, толкания, сжимания кулаков и т. п., так и другими традиционно-культурными факторами.

Народные воинские состязания составляют у восточных славян, в частности у русских, древнюю традицию, и это обстоятельство неоднократно привлекало внимание этнографов².

В числе народных военно-спортивных состязаний в классических работах по этнографии восточных славян нередко упоминается традиционное народное фехтование на палках — так называемые палочные бои. Так, Н. И. Костомаров отмечает, что в «праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои», и определяет последние как «подобие турниров», «примерные битвы», указывая таким образом на их игровой характер³. По сообщению М. И. Пыляева, в Москве в XVIII — первой половине XIX в. «зимою народ... в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои»⁴. По данным Н. Ф. Сумцова, «в отдаленную старину в России» обычное развлечение составляли «кулачные и палочные бои»⁵. Д. К. Зеленин «из прочих развлечений восточных славян» называет «бои на кулаках и палках»⁶. Наконец, энциклопедический словарь конца XIX в. отмечает, что «бои кулачные и палочные составляли для русских своего рода потеху, увеселение, начиная с глубокой древности до недавнего времени»⁷. Однако не-

смотря на многочисленные замечания такого рода, ни одна из имеющихся на сегодняшний день публикаций не дает сколько-нибудь полного представления об обычае состязаний палочных бойцов.

Первые из известных нам свидетельств о палочных боях относятся к XII—XIII вв. В «Книге Степенной царского родословия» сообщается, что «в некия праздники сходящися и яко позоры деюще, бои творяху древяным ослопием бяхуся и убивахуся, утеху бесом содеваху»⁸. Летописное известие о палочных боях заключает: «О таковых же делех много многожди възбраняху им святители, и по малу таковая прелесть ныне упражняшешся»⁹. Летописные предания связывают возникновение обычая состязаний палочных бойцов в Новгороде на Волховом мосту со свержением идола Перуна. Так, Софийская первая летопись сообщает: «И вринуша его в Волхов. Он же, плывя сквозь великы мост, верже палицу свою и рече: „На сем мя поминают новгородскыя дети“. Ею же и ныне безумнии, убивающися, утеху творят бесом»¹⁰. По Густынской летописи, когда поверженный идол Перуна плыл по Волхову, он «верже... палицею... на мост и уби тамо мужей килка... новгородцев, яко оттоле в сие время... коеждо лето на том мосту люди собираются и разделишася надвое играюще убиваются»¹¹. Поучение новгородского архиепископа Ильи (1166 г.) предписывало священникам: «И о тоурех, и о лодыгах, и о колядницах, и про безаконный бой вы, попове, оунимайте детей своих; или кого оубьють, а вы над ними в ризах не пойте»¹². Постановление Владимирского собора 1274 г. также осуждает обычай палочных боев: «Паки оуведохом бесовская еще дръжаше обычая треклятых элин, в божественныя праздники позоры некакы бесовские творити, с свистаниемъ, и с кличемъ и воплемъ, сзывающе некы скаредныя пьяница и бьющися дрекольем...»¹³.

Приведенные известия дают основание заключить, что обычай палочного противоборства уже в XII—XIII вв. представлял собой сложившуюся традицию, которая, по-видимому, возникла гораздо раньше.

Имеется целый ряд известий о широком бытовании этого обычая в последующее время. Так, по рассказу С. Герберштейна, посетившего Московию в 1517 г., в определенные дни года в Новгороде слышится голос Перуна. «Услышав его, — продолжает он, — граждане того места внезапно сбегаются вместе и взаимно бьют друг друга палками»¹⁴. О широком бытовании обычая палочных боев в южнорусском регионе сообщает челобитная Гаврилы Малышева, выборного от детей боярских Курска на Земский собор 1648—1649 гг. В ней говорится, что «в дальних странах от крымские и литовские стороны в северских и польских старых и новых порубежных городех и селех и в деревнях всяких чинов многие люди в воскресные дни и в господские и в богородичны и великих святых в празднуемые дни... и в седмичные во многие дни и по вечерам... сходятся на улицах... и меж собою кулачные и дрекольные бои чинят»¹⁵.

Приведенные описания достаточно убедительно говорят о том, что в средневековье на Руси палочное противоборство представляло собой не обиходную драку, а «примерный бой», состязание, хотя и весьма жестокое, чреватое травмами для бойцов. В этом плане обращает на себя внимание то, что бои устраивались «в некия праздники» и проходили «играюще», собирали зрителей («позоры деюще») и рассматривались современниками как «обычаи треклятых элин». Об игровом характере палочных боев свидетельствует и сообщение английского дипломата графа Карлейля, побывавшего в Московии в 1663 г. Он отмечает, что в «праздничные дни молодые люди имеют обыкновение собираться и развлекаться ударами кулаков и палок; обижаться за это считается между ними неприличным»¹⁶. Справедливость нашей посылки согласуется с данными исследователя народных военных игр А. А. Лебедева. Говоря о найденной в 1908 г. приписке в Никоновском списке Степенной книги, где сообщается о сожжении в 1625 г. патриархом Никоном дубинок, которыми бились палочные бойцы в Новгороде¹⁷, он отмечает, что «это совсем не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища»¹⁸. Современные исследователи Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий, рассматривая обычай палочных боев в связи с изучением цикла былин о Василии

Буслаеве, также пришли к выводу, что бои эти «носили характер спортивного состязания»¹⁹.

Еще во второй половине XIX в. в некоторых местах обычай палочных боев бытовал довольно широко. Так, в Нижнем Тагиле они, по свидетельству современника, устраивались «в зимнее время», причем «в трех местах»: на заводском пруду, на р. Тагиле «возле вогульских кузниц» и на Выйском пруду²⁰. В Нязепетровском заводе (Красноуфимский у.), как сообщает современник, на палках бились «в зимнее время каждое воскресенье»²¹. Описания или упоминания палочных боев встречаются в различных источниках на протяжении почти тысячелетия, вплоть до 1920-х годов.

Что же представляли собой эти народные состязания и прежде всего содержательная сторона традиционных палочных боев? По описанию Н. И. Костомарова, «эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались в партии, и таким образом составлялись две враждебные стороны. По данному знаку свистком обе бросались одна на другую с криками»²². Как видно, в самом общем виде это был бой на палках между двумя командами бойцов, проводившийся по правилам, которые составляли определенную традицию. Сведения, полученные нами от информаторов, наблюдавших в начале XX в. эти мужские состязания, и из письменных источников, позволили выявить основные положения традиционных правил: «биться, „полюбка́м“», «не по злобе», «до охоты», «не иметь сердца» на соперника; «не бить по голове и ногам»; «не бить сзади»; «не бить лежащего»; «не бить „мазку“ (того, на ком кровь)». Нарушение этих правил осуждалось обществом. По свидетельству нашего информатора М. П. Боровковой, в деревнях Вязниковского у. перед боем мужики «сговаривались» о правилах²³.

Каждая из партий перед началом состязания составляла по обычаю «стенку» — плотно сомкнутой строй бойцов. Так, Д. Мухаркин в воспоминаниях о дореволюционном быте уральских горных заводов отмечал, что в Нязепетровской вол. Красноуфимского у. палочные бойцы «вставали „стенка на стенку“»²⁴. По описанию И. Чернева, у семейских Забайкалья в палочных боях «парти шли стенка на стенку»²⁵. Писатель Н. И. Кочин в своих беллетризованных воспоминаниях отмечает, что в с. Сарадон Нижегородской губ. на палочные бои «каждое воскресенье собирались на мосту и становились „стенка на стенку“»²⁶. Таким образом, способ построения палочных бойцов был подобен тому, как это обычно практиковалось в кулачных боях.

Партии для палочных боев формировались по исторически сложившемуся делению на устойчивые группы населения: территориальные, профессиональные, этнические, сословные и т. п. Так, в Мологе делились «на городских, середских и заруцких»²⁷. В Петрозаводске противоборствовали представители двух районов — «Голиковки» и «Слободки»²⁸. В Нижнем Тагиле на заводском пруду «первочастные» (жители Первой части, православные русские. — Б. Г.) состязались с «гальянцами» — выходцами из Малороссии, на р. Тагиле — «первочастные» — с кержаками, на Выйском пруду — кержаки — с жителями «Заречья»²⁹. Как сообщает Д. К. Зеленин, бойцы обеих партий «в соответствии с предварительной договоренностью... вооружаются палками»³⁰. Их делали из мягких пород дерева около метра длиной с ровной и гладкой поверхностью. Бывали также палки с несколько загнутыми концами — «клюшки», «клюки», — что, вероятно, давало возможность использовать особые приемы фехтования. Значительно реже, в основном в заводских районах, использовали «стальные палки» (Петрозаводск, Кончезерск), «железные трости» (Горнозаводской Урал)³¹.

Само состязание начиналось «задирианием» («заигрышем», «похвальбой»), которое состояло в том, что перед началом схватки стороны выкрикивали в адрес противника насмешки, нередко рифмованные, с тем чтобы вывести противника из психологического равновесия. Так, Д. К. Зеленин отмечает, что «палочники» перед боем «затевают ссору»³². Наш информатор М. П. Боровкова сообщила, что в Вязниковском у. перед палочным боем «ватага козловских мужиков задирала

порзанских»³³. Согласно сообщению из г. Мологи, бойцы, «вооружившись клюками, палками, начнут находить сторона на сторону. Это нахождение начинается постепенно. Сначала начнут перебранкою издали, продвигаясь ближе и ближе друг дружке...»³⁴. Характерные «задирания» такого рода приводит Н. И. Кочин. Перед началом палочного противоборства бойцы «собирались по обе стороны моста через нашу речушку Печесь, дожидаясь своих вожаков, — вспоминает писатель, — и принимались перекликаться:

— Шантрапа, почем брюховица?... Отрепье! Мирские попрошайки! Ванька — продай куски!... Голодранцы, сормачи, драли кошку на печи, а как содрали, сами сожрали! — из-за реки декламировали они...

А мы старались их заглушить, крича в свою очередь:

— Аршинники, мясные брюха! Видывали мы таких, которые в рукавицах кукиши кажут! Грозит мышь кошке, да издалече. Тулупники, кислая овчина, ахахи-блинники, кособрюхие... Ваши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и молодец...»³⁵.

Близкие параллели таким «задираниям» имели место в военном быту Древней Руси, где существовал обычай начинать сражение с «брани» — насмешек над противником с целью раззадорить его и себя к бою. Так, например, в 1371 г. перед началом битвы у Скорнишева между войсками московского и рязанского князей последние хвалились голыми руками захватить противника: «Не емлите с собою доспеха, ни щита, ни копья, ни иного оружия, но токмо емлите с собою едины оужница каждо вас, им же вы есть вязати москвичь, понеже суть слаби и страшлиы и не крепци»³⁶.

По мере того как обстановка накалялась, начинали раздаваться боевые кличи: «Дай бою! Подай бою!»; «О-о! ... Берем!... Айда!... Дуй их!»; «Бери их, бери, ребята, не робей!». «Этот крик, — вспоминал современник, — раздавался с обеих сторон, пьяня и возбуждая драчунов»³⁷.

Исследователи отмечают, что в средневековье боевые кличи были непременным элементом настоящего боя, в частности в военных формированиях восточных славян («ясаки») ³⁸.

После того как «задирания» достигали своей цели, в какой-то момент раздавался свист — сигнал к началу «примерного сражения». По свидетельству современника, оно развивалось следующим порядком: «сначала группировались маленькие и подростки, каждые у своего берега... Которая-нибудь сторона срывалась с места и, подняв клюшки, палки, с криком бросалась на противника... К обеду появлялся „холостяжник“ — взрослый молодняк, и бои принимали серьезный характер... К вечеру, когда бой начинал принимать ожесточенный характер, ... выскакивали на выручку бородачи и гнали противника»³⁹. Согласно большинству описаний, палочные бои проходили именно по такой схеме: сначала с обеих сторон сходились подростки; когда определялся перевес одной из партий, в противоборство вступали, как бы защищая своих, «стенки» холостой молодежи; далее тем же порядком в бой вступали взрослые мужчины⁴⁰. Бой продолжался обычно до тех пор, пока одна из сторон не обращалась окончательно в бегство с поля сражения. Вариант состязания, в котором в бой последовательно вступали три возрастных подразделения бойцов, был распространен более других. Наряду с этим, имеются известия о палочных боях, где участвовали четыре или две возрастные группы бойцов. Бывало, что бой вели «стенки», составленные только из бойцов примерно одного возраста. По-видимому, в XIX — начале XX в. количество возрастных подразделений во многом определялось численностью и возрастной структурой мужского населения в той или иной местности. Имело значение и то, по какому признаку бойцы разделялись на партии. Так, когда противоборствовали мастеровые двух профессий, рабочие фабрик, заводов и т. п., бойцов младших возрастов просто не было.

Границы внутри возрастных групп в различных местностях несколько отличались. Переход из младшей в старшую по большей части определялся не только возрастом, но также и уровнем физического развития и проявлением в

состязаниях таких мужских качеств, как смелость, находчивость, умение фехтовать и т. п. Само же возрастное деление имеет, как представляется, очень древнее происхождение, берет начало в традиционном возрастном делении родового общества.

Обычно «стенка» состояла из одного-двух рядов палочных бойцов. В ней различались центр — «середка» и фланги — «крылья». В Череповецком у. в палочном бою выделялся резерв⁴¹. У «стенки» палочных бойцов был руководитель — «вожак», «атаман», «предводитель». Обычно он непосредственно участвовал в бою, выступая либо впереди своего воинства, либо в центре «стенки», оперативно определял время и направление маневров, решительных ударов, отдавал команды, подбадривал своих бойцов. В состязаниях очень велика была роль отдельных «надежа-бойцов», «записных бойцов», обладавших выдающимися качествами — смелостью, большой силой и приемами палочного противоборства.

Существовали, по-видимому, мастера фехтования на палках. Так, информатор Этнографического бюро В. Н. Тенишева сообщал из Череповецкого у., что на палочных боях «у каждого... есть свои меткие удары, которыми он старается поразить противника»⁴². Наш информатор А. О. Коробова из с. Улово близ Суздаля отмечала, что в их селе высоко оценивали тех палочных бойцов, «кто красивее помашет, а не кто сильнее стукнет»⁴³. Скульптор С. Т. Коненков упоминает об одном из таких — отставном солдате Терешке из его родной деревни Карповки Ельнинского у., который любил «во всякой сходке показывать приемы фехтования. Парни гонялись за ним с жердями в руках, а он, размахивая палкой над головой, ловко увертывался от тяжелых ударов»⁴⁴. Из последнего можно заключить, что устраивались и поединки палочных бойцов, а особо искусные мастера фехтования могли в одиночку выступать против нескольких бойцов сразу. О «поединках на ослопах» упоминает В. И. Даль⁴⁵. У Н. И. Костомарова имеется известие о «дуэлях», на которых «бились палками»⁴⁶.

В коллективных палочных боях использовали приемы, имеющие прямые параллели в традиционной тактике пехоты. Так, в сообщении из г. Мологи отмечается, что палочные бойцы, «как будто их кто учил военной тактике, стараются двумя крылами обойти друг дружку»⁴⁷. Применялись также удар «клином», наступление на одном фланге, контратаки, окружения, сочетания разных тактических приемов.

Военный сюжет палочного состязания, отмеченные военные параллели приводят к мысли о том, что в основе этого традиционного «примерного» противоборства лежат определенные черты военного искусства, боевой подготовки и организации древнерусской пехоты. Нельзя не заметить также очевидного большого сходства структуры палочных боев и кулачных боев «стенка на стенку». Информаторы нередко отмечают, что часто только накануне или перед самим состязанием стороны условливались о способе противоборства — на кулаках или на палках⁴⁸. Видимо, не случайно в приведенных выше описаниях этнографы обычно упоминают кулачные и палочные бои одновременно. Победители палочных состязаний получали призы, о чем имеются известия со времени средневековья. Так, в постановлении Владимирского собора 1274 г. отмечается, что победители в палочных боях «взимающе от убиваемых порты»⁴⁹. В былинах «Василий Буслаевич» мужики новгородские говорят, вступая в палочный бой, что в случае победы

«Мы не возьмем дороги подарочки...
Повладеем платьями цветными»⁵⁰.

Возможно, в средневековье бытовал обычай, согласно которому в качестве награды, приза за победу забирали одежду побежденного. В то же время это весьма напоминает раздел военной добычи. По данным Н. И. Костомарова, в XVI—XVII вв. лучшие палочные бойцы «получали награды и выигрывали заклады»⁵¹. Информаторы отмечают, что в деревнях, селах, подгородных слободах

побежденная сторона устраивала для победителей угощение либо победители забирали денежный заклад⁵².

Возможность получать значительное материальное вознаграждение была одной из причин существования в средневековые категории людей, которые, владея в совершенстве искусством боя на палках, нанимались сторонами за плату для «поля» — судебного поединка. Княжеские уставы и общерусские судебники того времени содержали нормы, позволявшие выставлять в судебных поединках «наймитов», «а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же»⁵³. В одной из смоленских грамот XIII в. отмечается, что судебный поединок «у русской земли» ведется «любо мьчем, а любо деревьмь»⁵⁴. По данным Н. И. Костомарова, судебные поединки проводились «на палках и дубинах»⁵⁵. Как сообщает Н. М. Карамзин, бойцы-полевщики «сражались у нас ослопами или дубинами»⁵⁶. Интересен рассказ С. Герберштейна, по которому на судебном поединке «у каждой из сторон есть много друзей и сторонников..., но у них нет никакого оружия, кроме кольев... если окажется, что одному из бьющихся нанесена какая-нибудь обида, то защищать его сбегают его сторонники, а затем и сторонники его противника, и таким образом между обеими сторонами, к удовольствию зрителей, завязывается бой»⁵⁷. В. О. Ключевский приводит свидетельство одного иностранца, согласно которому «в Москве было много таких бойцов, которые тем только и промышляли, что по найму выходили драться за других на судебных поединках»⁵⁸. Г. Штаден также сообщает, что «на Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого»⁵⁹. Эти же бойцы, по-видимому, показывали в средневековые свое искусство фехтования на палках за плату на базарах, ярмарках и народных праздниках.

Обычай палочных боев, подобно другим народным традициям, выполнял ряд социальных функций и прежде всего военно-прикладную. Помимо отмеченных выше военных параллелей этому «примерному» противоборству, существенным здесь является то, что палка, ослоп, дубинка с древности являлись оружием и использовались в таком качестве вплоть до XVII в. Так, Никоновская летопись под 1159 г. приводит слова дружинников князя Ростислава Мстиславича в ответ на его сомнения о возможности защищать Киев от неприятеля: «... все бо у нас оружие есть: и камень, и древа, и колья, и вар...»⁶⁰. Под 1444 г. там же сообщается о битве на Листани, для которой «пешая рать многа собрана... с ослопы»⁶¹. Другое летописное известие отмечает под 1469 г., что «князь Василей Ухтомский велми бился... ослопием»⁶². В одном из актов 1674 г. фигурируют стрельцы, вооруженные «дубинами, в саблях»⁶³. Еще в середине XIX в. в русском языке сохранялось выражение «паличное воинство»⁶⁴. Как один из массовых видов оружия представлена палка в русских былинах. Так, один из вариантов былины о Добрыне Никитиче сообщает:

«А как съезжаются удаленьки добры молодцы;
А они билисе ведь палочками биевыми»⁶⁵.

В другой былине, «Илья Муромец и сын его», говорится:

«Да съехали богатыри палками,
Только палки по щелям отвернулисе»⁶⁶.

В «заговорах воинских» — текстах формульного характера, призванных магически обеспечить безопасность воина в бою, — встречаются обереги от «боя древяного»⁶⁷, «от дерева русского и заморского»⁶⁸.

Очевидно, в приведенных известиях и фольклорных фрагментах нашли отражение реалии военного дела Древней Руси, где палка, дубинка, ослоп широко употреблялись как оружие; прежде всего в ополчении, которое было весьма многочисленным и потому его вооружение должно было быть дешевым, доступным, простым и в то же время надежным. По мнению А. Н. Кирпичникова,

ударному оружию принадлежало «большое значение в военной жизни древнерусского общества» и оно «более всего влияло на результат сражения»⁶⁹.

По-видимому, в средневековые русские воины и ополченцы в большинстве своем владели приемами фехтования и боя на палках.

Вместе с овладением приемами палочного противоборства в таких состязаниях вырабатывались и другие воинские качества. Так, Н. И. Костомаров отмечал, что «палочные бои имели подобие турниров ... на них-то, в особенности, русские приучались к ударам и побоям, которые ... делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне»⁷⁰. По мнению М. Л. Назимова, такого рода состязания были «весьма полезны для развития и поддержания физической силы и воинственных наклонностей»⁷¹. Этнограф А. А. Фенютин, описывая противоборство палочных бойцов, отметил, что «как будто кто их учил военной тактике»⁷².

Общественная практика с глубокой древности, с одной стороны, выделяла ряд универсальных качеств (силу, ловкость, смелость, волю и т. п.), которые обеспечивали успех и в военной, и в производственной деятельности, с другой — вызвала к жизни средства воспитания таких качеств — народные игры и состязания. В том числе народные воинские состязания — борьбу, кулачные и палочные бои, «конские ристания», разного рода метания и др., которые, как отмечено в указе Петра I, «бывают ... для народного полирования, а не для какого безобразия»⁷³. В состязаниях палочные бойцы неизбежно испытывали значительные трудности — сопротивление противника, сильное физическое напряжение, удары, болевые ощущения и т. п. Палочные бои моделировали, таким образом, ситуации, в которых максимально напрягались все силы человека, и, упражняясь в них с детства, мужчины вырабатывали в себе эти качества.

Необходимость слаженных, взаимосвязанных действий всей «стенки» в палочном бою воспитывала у бойцов чувство локтя, взаимной выручки и коллективизма. Бой обычно проходил на виду всего «мира», и поведение бойцов подвергалось обсуждению и оценке общины, что обуславливало воспитание честности, справедливости, уважения к сопернику. Это же ставило бойцов в тесную и взаимную связь с общиной, «миром». К тому же бойцы обычно выступали как представители своего села, деревни, порядка, конца, слободы, улицы и т. п. и коллективная победа вызвала чувство гордости за свое «общество». Община выступала, как правило, и организатором таких состязаний. На это как на характерную черту коллективных мужских состязаний на народных праздниках указывает С. А. Токарев⁷⁴. Возможно, что в древности такие боевые игры выполняли роль смотра сил общины, показывали, на кого «мир» мог более всего положиться в труде и войне. Традиционное общество возвышало сильных, смелых, справедливых и порицало слабых телом и духом. Личность испытывала постоянное и сильнейшее давление общины, воинские же игры выступали как одно из действенных средств, приводивших личность к уровню требований традиционного общества, выполняли функцию социализации. В то же время присутствие на таких состязаниях многочисленных бойцов и зрителей, собрание их в одном месте, принадлежность к родному обществу (деревне, селу, улице и т. п.), общий эмоциональный настрой — все это создавало атмосферу единения и сплочения, делало обычай таких «примерных» боев эффективным средством общения.

Несмотря на объективную полифункциональность, эту народную военную игру современники воспринимали главным образом как праздничную забаву, «потеху». Так, в конце XIX в. энциклопедический словарь отмечал: «Бои кулачные и палочные составляли для русских своего рода потеху, увеселение»⁷⁵. Они привлекали массы зрителей, которые подбадривали бойцов, обсуждали перипетии борьбы, спорили и бились об заклады, нередко выступали на помощь противоборствующим сторонам. По сообщению информатора Этнографического бюро В. Н. Тенишева, на палочные бои «смотреть ... сбегаются со всех сторон. Это очень любимое зрелище крестьян. Глазеют не только мужчины, но и женщины и девушки»⁷⁶.

Состязания в палочном противоборстве оказывали сильное и разностороннее

эмоциональное воздействие. Бойцов захватывали борьба и возможность проявить свою силу, удаль и мастерство перед окружающими. Зрителей же восхищали драматизм боя, проявления силы, ловкости участниками этого действия. Эмоциональное состояние бойцов и зрителей замечательно передано уральским писателем А. П. Бондиным в романе «Лога». «Однажды, наблюдая с кержацкой стороны за таким боем... Яков переживал то лихорадочное состояние, которое бывало у него прежде, когда он, подростком, участвовал в этих состязаниях, приходя из школы... Возвращался только к вечеру, розовый, сияющий и рассказывал о боях»⁷⁷. Впечатления зрителей на палочных боях правдиво описаны в беллетризованных воспоминаниях Н. И. Кочина: «Старики выходили и глядели... бранясь для приличия и содрогаясь от удовольствия при этом зрелище. Бывало, выйдешь на околицу да глянешь на реку, и сразу сердце забьется: сближаются два полчища, напролом идут, голов не жалея, кричат...»⁷⁸. Такие состязания давали мужчинам широкий простор для выхода эмоций, отвлекали от повседневности, жизненных трудностей, коренным образом переключали настрой человека, выполняя компенсаторную функцию. Современники отмечали, что палочные бои устраивались от того, что «силы бушевали у молодежи, а выходу им не было»⁷⁹, «некуда было девать энергию, которая была ключом»⁸⁰. Быть может в силу своей «буйности», грубых форм палочные и кулачные бои удовлетворяли этому назначению в гораздо большей степени, чем другие народные игры. По-видимому, именно в этой связи можно рассматривать замечание В. Г. Белинского, что «только буйные игры и удаляя охота оцветляли этот быт»⁸¹.

Теперь обратимся к выяснению вопроса о приурочивании палочных боев к датам народного календаря. По данным Д. К. Зеленина, они, «как правило, происходят зимой, между Рождеством и Масленицей»⁸². Согласно данным Н. Ф. Сумцова, «палочные бои происходили чаще всего зимою на льду»⁸³. М. И. Пыляев сообщает, что в Москве палочные бои бывали «зимою в праздничные дни»⁸⁴. В Нижнем Тагиле они назывались «ледяными боями» и устраивались «в зимнее время»⁸⁵. В Петрозаводске и окрестных деревнях палочники состязались на Рождество и Масленицу⁸⁶. В с. Новогеоргиевском Ставропольской губ. и уезда такие бои устраивали на Рождество, Новый год и Крещение⁸⁷. По сообщению информатора из Вязниковского р-на, там палочники бились на Троицу⁸⁸. Согласно свидетельствам других информаторов, палочные бои устраивались на Масленицу, Пасху, Красную горку, Николин день вешний, Троицу⁸⁹. У белорусов палочные состязания входили в «купальскийя», «вялікодныя» и «калядныя ігрышчы»⁹⁰. Сообщения о приурочивании палочных боев в средневековье на Руси были приведены нами выше. Дополним их данными Б. А. Рыбакова, согласно которым они устраивались во время древнерусских русалий⁹¹.

Имеющиеся сведения говорят о том, что обычай палочных боев был приурочен главным образом к зимним и весенним датам народного календаря, обрядность которых направлена на обеспечение предстоящего урожая и где присутствуют также компоненты поминания умерших предков. Известно, что у восточных славян в структуре этих праздников в XIX — начале XX в. в значительной мере сохранялись элементы древних дохристианских верований, в которых прослеживаются взаимосвязанные идеи аграрной магии, поминания предков, весенних игрищ молодежи, почитания молодоженов⁹². На языческое, дохристианское происхождение палочных боев указывает обилие церковных обличий этих буйных «игрищ елинского беснования». Ряд этнографов усматривают в обычае подобных воинских состязаний отголосок древнего культа плодородия, аграрно-магического ритуала, символизировавшего космическое противоборство зимы и весны (лета)⁹³. Как «аграрный обряд, повышающий производительные силы природы», рассматривала такие боевые игры В. Н. Харузина⁹⁴. Существует мнение, что ритуальный смысл масленичных боев состоит в том, чтобы «путем взаимного кровопускания, кровопролития ... магически обеспечить своим полям и лугам весенние и летние дожди, влагу»⁹⁵. В связи с этим привлекает внимание

сообщение корреспондента Этнографического бюро В. Н. Тенишева из с. Верх-Большой Каурец Наровчатского у. Там в зимние и весенние праздники, особенно на Масленицу, бои, по словам крестьян, устраивались «не из одного удовольствия и потехи, а и из-за того, чтобы получить более сильный урожай в настоящее лето»⁹⁶. В известии такого же содержания от другого корреспондента бюро сообщается о бытовании характерных присловий: «рыло разбито, брюхо набито», «рыло в крове, брюхо в холе», «чем больше бьют, больше в брюхо кладут» и т. п.⁹⁷ Представления о том, что пролитие крови в боевых играх на весенне-летних календарных праздниках магически усиливало плодородие земли бытовали и у земледельцев других народов⁹⁸.

Многие исследователи полагают, что такого рода боевые игры входили в состав тризны — погребальных торжеств древних славян⁹⁹. Народные воинские состязания, по мнению А. П. Окладникова, символизировали противоборство зимы с летом, доброго начала вселенной и злых ее сил. Вместе с тем, по представлениям древних, они должны сопутствовать человеку в критический, переломный момент его судьбы — перехода покойника в мир умерших предков — покровителей общины и охранителей ее благополучия¹⁰⁰. Н. Н. Велецкая отмечала, что воинские состязания непременно входили в состав ритуала отправления к праотцам у многих народов, в том числе у славян, представляли «как бы усиление, укрепление их сил ... воздаяние им своей кровью»¹⁰¹. Б. А. Рыбаков относит возникновение таких поминальных состязаний ко времени развития земледелия и аграрных культов¹⁰².

С. А. Токарев обратил внимание на то, что в традиционных состязаниях мужских коллективов на народных праздниках прослеживаются «реликты мужских организаций»¹⁰³. Ряд типичных черт палочных боев — общинный характер демонстрации боевых качеств, объединение мужчин на военизированной основе, возрастная иерархия и строго определенная роль каждой возрастной группы в состязании, правила поведения бойцов, символичность битвы — дают основание усматривать в их организации трансформированный реликт древних мужских союзов. Интересно в данной связи мнение исследователей о том, что мужские союзы индоевропейских народов «в большей мере были ориентированы на функции военной дружины» и обычно тесно связаны с культом предков¹⁰⁴.

Старинное народное русское воинское состязание, рассмотренное нами, уходит корнями в глубокую древность. В средневековье эта традиция была, очевидно, широко распространена на Руси, выполняя роль военной тренировки и ряд других социальных функций. В ней отразилось и то, что в древности сознательная подготовка к жизнедеятельности сочеталась с приобретением опыта, который придавал реальным навыкам, обеспечивавшим существование общества, ирреальные формы в виде ритуально-магических действий, представлений, остатки которых сохранялись еще в XIX в.

Состязания палочников находились, по-видимому, на грани между настоящей битвой и игрой. Такой характер этого воинского состязания вполне удовлетворял средневековому укладу жизни, но для второй половины XIX — начала XX в. он был уже архаизмом: в это время отмечены лишь отдельные очаги его бытования, фрагментарный характер и сравнительно небольшое количество сообщений об обычае палочных боев. Весьма интересно, что во второй половине XIX в. народный обычай состязаний палочных бойцов был известен не только у восточных славян: он зафиксирован также у французов¹⁰⁵, шотландцев и ирландцев¹⁰⁶. Однако эта народная традиция постепенно утратила свой социальный статус и впоследствии сохранилась лишь как пережиток.

- ¹ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Введение//Игры народов СССР. М.; Л., 1933. С. XXXVII; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 160—166; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 87. Зеленин Д. К. Общественные игры военного характера у чехов//Второй Всесоюзный географический съезд. Тез. докл. по этнографии и антропологии. М.; Л., 1947. С. 21—22; Gross K. Die Spiele der Menschen. Iena, 1899. S. II и др.
- ² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1981. С. 378; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 235; Сумцов Н. Ф. Культурные переживания//Киевская старина. Т. XXVI. Киев, 1889. № 9. С. 637 и др.
- ³ Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 235.
- ⁴ Пыляев М. И. Старая Москва. СПб., 1891. С. 8.
- ⁵ Сумцов Н. Ф. Указ. раб. С. 637.
- ⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 378.
- ⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/Под ред. И. Е. Андреевского. Т. IV. СПб., 1891. С. 228.
- ⁸ Книга Степенная царского родословия//Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XXI. СПб., 1908. С. 110.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Софийская первая летопись//ПСРЛ. Т. V. Л., 1925. С. 72.
- ¹¹ Густынская летопись//ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 258—259.
- ¹² Павлов А. Неизданный памятник русского церковного права XII века//Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 271. Отдел II. СПб., 1890. № 10. С. 298.
- ¹³ Там же. С. 281.
- ¹⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 119.
- ¹⁵ Алексеев В. Новый документ к истории Земского собора 1648—1949 года//Древности. Труды Археологической комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. II. Вып. I. М., 1990. С. 85—86.
- ¹⁶ Описание Московии при реляциях графа Карлейля//Историческая библиотека. М., 1879. № 5. С. 25—26.
- ¹⁷ Протокол общего собрания Общества любителей древней письменности 13 марта 1909 года//Отчеты о заседаниях Общества любителей древности и искусства. М., 1911. № 176.
- ¹⁸ Лебедев А. А. Из истории кулачных боев на Руси//Русская старина. Т. 155. Кн. VII. СПб., 1913. С. 103.
- ¹⁹ Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Примечания//Новгородские былины. М., 1978. С. 369.
- ²⁰ Шмаков Л. В старое время//Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 71.
- ²¹ Мухаркин Д. Жизнь у огня. Автобиография//Урал. Свердловск, 1967. № 11. С. 6.
- ²² Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 235.
- ²³ Архив автора. Сообщение Боровковой М. П., 1908 г. р., с. Козлово Вязниковского р-на Владимирской обл.
- ²⁴ Мухаркин Д. Указ. раб. С. 6.
- ²⁵ Чернев И. Семейщина. Летопись родного села. Улан-Удэ, 1987. С. 189.
- ²⁶ Кочин Н. И. Юность. М., 1981. С. 225.
- ²⁷ Фенютин А. А. Увеселения города Мологи//Труды Ярославского губернского статистического Комитета. Вып. 1. Ярославль, 1866. С. 112—113, 127.
- ²⁸ Каменский В. Об изучении и экспозиции предреволюционного быта рабочих (из материалов по командировке в Петрозаводск и Кончезерск летом 1929 г.)//Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932. С. 131.
- ²⁹ Шмаков Л. Указ. раб... С. 71.
- ³⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 378.
- ³¹ Каменский В. Указ. раб. С. 131; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — нач. XX в.). М., 1971. С. 167.
- ³² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 378.
- ³³ Сообщение М. П. Боровковой.
- ³⁴ Фенютин А. А. Указ. раб. С. 112.
- ³⁵ Кончин Н. И. Указ. раб. С. 226—227.
- ³⁶ Рогожский летописец//ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. М., 1965. Л. 99.
- ³⁷ Кочин Н. И. Указ. раб. С. 227.
- ³⁸ Рабинович М. Г. Боевые кличи — «ураны»//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 300.
- ³⁹ Бондин А. П. Лога//Избранное. Свердловск, 1982. С. 76—77.
- ⁴⁰ Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 805. Л. 19; Архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. 18. Д. 1. Л. 185; Д. 5. Л. 46.
- ⁴¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 805. Л. 19.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Сообщение Коробовой А. О., 1909 г. р., с. Улово Суздальского р-на Владимирской обл.
- ⁴⁴ Коненков С. Т. Мой век. М., 1971. С. 8.
- ⁴⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1981. С. 699.
- ⁴⁶ Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 223.

- ⁴⁷ Фенютин А. А. Указ. раб. С. 112.
- ⁴⁸ Сообщение Боровковой М. П.; сообщение Коробовой А. О.; сообщение Цибизова Д. Т., 1894 г. р., с. Плахино Захаровского р-на Рязанской обл.
- ⁴⁹ Попов А. Н. Пирь и братчины//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Т. II. Ч. 2. Отдел IV. М., 1854. С. 27.
- ⁵⁰ Новгородские былины. М., 1978. С. 46.
- ⁵¹ Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 235.
- ⁵² Сообщение Коробовой А. О.; сообщение Мишина Е. Ф., 1889 г. р., г. Рязань.
- ⁵³ Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 1955. С. 370.
- ⁵⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 22.
- ⁵⁵ Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 223.
- ⁵⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1892. Прим. 609.
- ⁵⁷ Герберштейн С. Указ. раб. С. 120.
- ⁵⁸ Ключевский В. О. Сочинения иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 107.
- ⁵⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 84.
- ⁶⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью//ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 218.
- ⁶¹ Там же. Т. XIII. СПб., 1906. С. 192.
- ⁶² Устюжинский летописный свод (Архангелогородский летописец)/Подг. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 87.
- ⁶³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842. С. 529.
- ⁶⁴ Даль В. И. Указ. раб. Т. 3. С. 13.
- ⁶⁵ Добрыня Никитич и Алеша Попович/Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 143.
- ⁶⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. М.; Л., 1951. С. 185.
- ⁶⁷ Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 499.
- ⁶⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865. С. 274.
- ⁶⁹ Кирпичников А. Н. Вооружение Руси в IX—XIII вв.//Вопр. истории. 1970. № 1. С. 43.
- ⁷⁰ Костомаров Н. И. Указ. раб. С. 235.
- ⁷¹ Назимов М. Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1826 год. Из воспоминаний старожила//Русский вестник. Т. 124. М., 1876. № 7. С. 81.
- ⁷² Фенютин А. А. Указ. раб. С. 112.
- ⁷³ Полн. собр. законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 4099.
- ⁷⁴ Токарев С. А. Община и семья//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 196—197.
- ⁷⁵ Энциклопедический словарь... С. 228.
- ⁷⁶ АРЭМ.Ф. 7. Оп. 1. Д. 805. Л. 19.
- ⁷⁷ Бондин А. П. Указ. раб. С. 78.
- ⁷⁸ Кочин Н. И. Указ. раб. С. 225.
- ⁷⁹ Бондин А. П. Указ. раб. С. 78.
- ⁸⁰ Мухаркин Д. Указ. раб. С. 6.
- ⁸¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания//Собр. соч. Т. I. М., 1986. С. 63.
- ⁸² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография... С. 378.
- ⁸³ Сумцов Н. Ф. Указ. раб. С. 637.
- ⁸⁴ Пыляев М. И. Указ. раб. С. 8.
- ⁸⁵ Шмаков Л. Указ. раб. С. 71.
- ⁸⁶ Каменский В. Указ. раб. С. 130.
- ⁸⁷ Рябых Н. Село Новогеоргиевское (Терновка) Ставропольской губернии и уезда//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Отдел 2. Тифлис, 1897. С. 51, 54.
- ⁸⁸ Сообщение Боровковой М. П.
- ⁸⁹ Сообщение Коробовой А. О., Мишина Е. Ф., Цибизова Д. Т.
- ⁹⁰ Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 3. Минск, 1980. С. 44.
- ⁹¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 678.
- ⁹² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — нач. XX в. М., 1979; Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. Очерки по истории народных верований. М., 1957 и др.
- ⁹³ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов//Собр. соч. Т. I. СПб., 1913. С. 213; Миллер В. Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884. С. 31—32; Сумцов Н. Ф. Указ. раб. С. 638 и др.
- ⁹⁴ Харузина В. Н. Рец. на книгу: Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Вып. I. Пг., 1916//Живая старина. Вып. 4. Пг., 1916. С. 336.
- ⁹⁵ Румянцев Н. Масленица//Атеист. М., 1930. № 49. С. 100.
- ⁹⁶ АРЭМ.Ф. 7. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1.
- ⁹⁷ АРЭМ.Ф. 7. Оп. 1. Д. 1869. Л. 7.
- ⁹⁸ См., напр.: Вердеревский В. О народных праздниках и праздничных обычаях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе//Кавказ. Тифлис, 1855. С. 1; Мафедзев С. Х.

- Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX — нач. XX в. Нальчик, 1979. С. 52—53; Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976. С. 50; Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 283 и др.
- ⁹⁹ Карамзин Н. М. Указ. раб. Т. I. М., 1903. С. 69; Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 131; Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж//По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 85—86; Срезневский И. И. Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848. С. 92 и др.
- ¹⁰⁰ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970. С. 105, 107.
- ¹⁰¹ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 92—93.
- ¹⁰² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 87, 89; *его же*. Язычество древних славян. М., 1981. С. 274.
- ¹⁰³ Токарев С. А. Указ. раб. С. 196, 197.
- ¹⁰⁴ История первобытного общества. Эпоха классового общества. М., 1988. С. 417—420.
- ¹⁰⁵ Meinke V. Militärische Federzeichnungen aus Frankreich. Darmstadt und Leipzig, 1866. S. 28—29.
- ¹⁰⁶ Гроздова И. Н. Народы Британских островов//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — нач. XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 80.

«Stick fightings»

The article deals with traditional warfare exercises of Russians — «stick fightings». The origin, social functions and the place of this custom in the calendar ceremonialism is discussed.

B. V. Gorbunov

© 1996 г., ЭО, № 2

И. Мороз

СЮЖЕТ ЯЗЫЧЕСКОГО ПРАЗДНИКА В СТАРОБОЛГАРСКОЙ ПЕСНЕ ИЗ ХОДОШСКОГО СБОРНИКА XIV в.

В своей, вышедшей в 1842 г., книге «Narodopis slovanský» П. Шафарик опубликовал две староболгарские песни, найденные им, вероятно, в Ходошском сборнике 1390 г. Хронология этой публикации представляет огромный интерес прежде всего как наиболее ранняя фиксация староболгарских текстов, отражающих древнюю болгарскую народную обрядность.

Сразу же по выходе книги П. Шафарика в «Москвитянине» появились первые переводы его труда, выполненные его учеником, русским славистом О. М. Бодянским. Тираж моментально раскупался, интерес русской общественности к славянским материалам был необыкновенно высок. Вместе с тем некоторые ученые выступили с критикой качества переводов на русский, что послужило основанием Шафарика просить Бодянского о переработке некоторых текстов: «Русские на вас жалуются, что опять „чересчур“ буквально и недостаточно чисто по-русски переводится „Народопис“, так же, как и „Древности“...»¹.

В вышедшей через год в русском переводе и с предисловием Бодянского книге П. Шафарика подобные огрехи в какой-то мере были устранены. Кроме того, удалось сохранить аутентичные тексты, отражавшие лексику и орфографию времени фиксации текстов. Столь быстрые перевод и отпечатывание книги объясняются неослабевавшим огромным интересом к славянским материалам, важностью дела их сохранения и географией их распространения.

Некоторые сведения о Ходошском сборнике XIV в., как и о содержащихся в нем староболгарских текстах, имеются в архиве К. Иречека, в письме, написанном